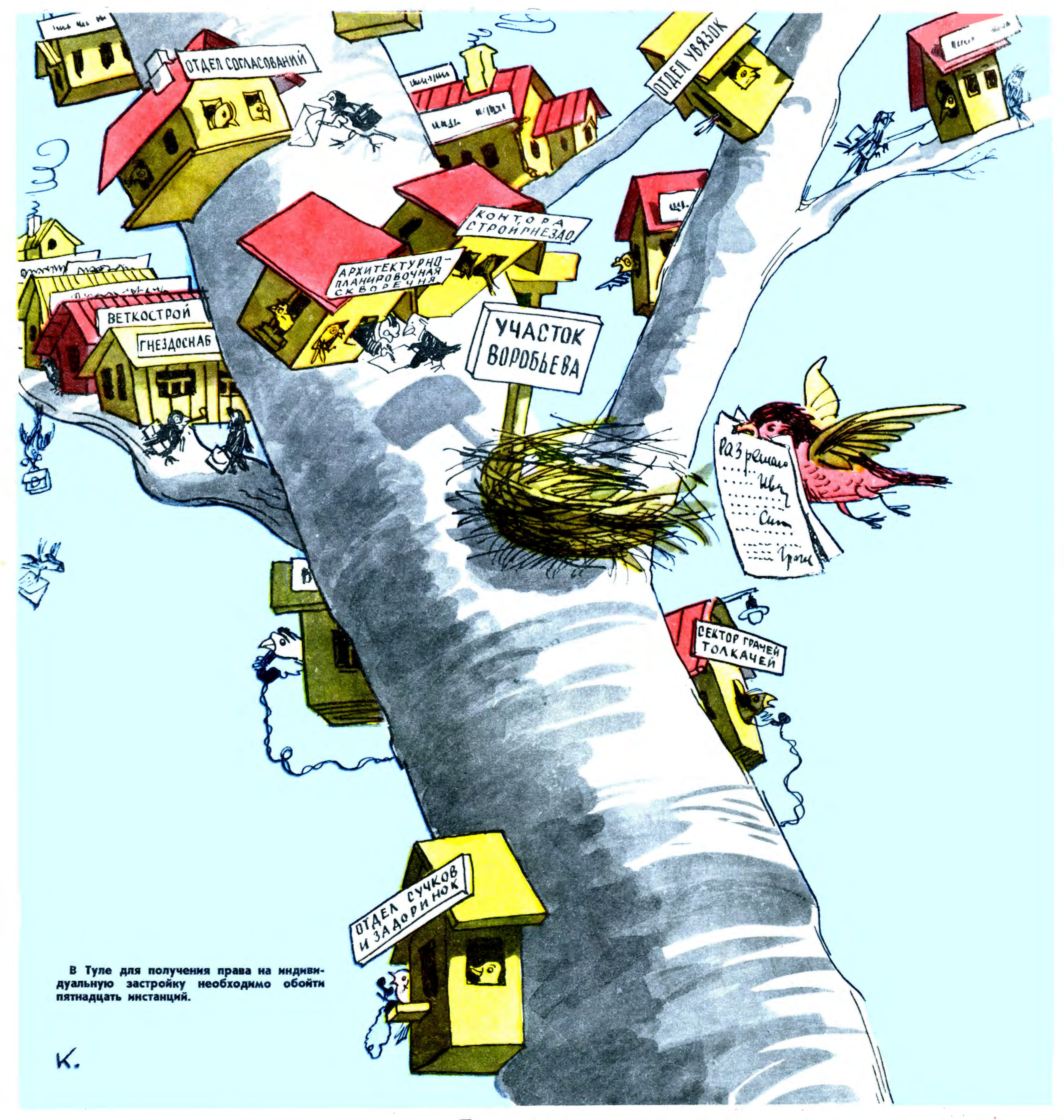

В Туле для получения права на индивидуальную застройку необходимо обойти пятнадцать инстанций.

По инстанциям.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 2 20 ЯНВАРЯ (1472) 1957 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

И ТАК БЫВАЕТ...

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Не понимаю! И комбайны приобрели, а все от плана отстаем!..

У. ЛАХТ

Агро-
зоо-
и другие спецы!
Запакуйте чемоданы —
и сюда!
Вам от жизни
никуда не деться:
Ждут колхозы
вашего труда.
В министерстве
сколько вас застряло!
Целый полк
на десять этажей!..
В поле вы
бывали очень мало,
А наука ваша
для полей.
Наших пашен
дивное раздолье
Телефон
вам заменил сполна.
Вам бумага —
пахотное поле,
Авторучка —
ваша борона.

Свиноводы
и животноводы
С телефоном
рядышком сидят,
Не взглянув
за длительные годы
На живых
коров и поросят.

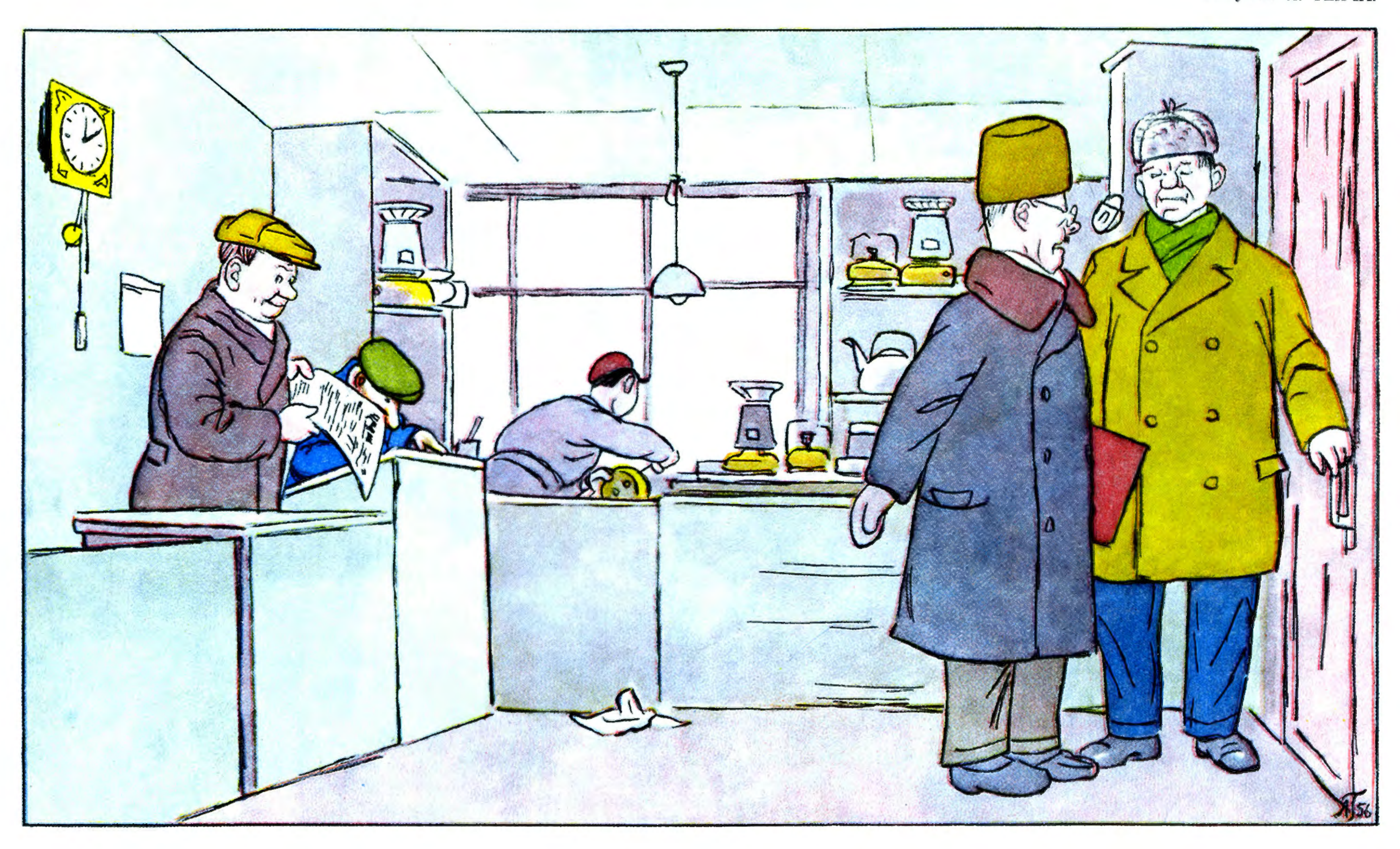
Птицевод
не слышит птичьих песен,
И забыл он петушиный крик.
Как в гнезде наседка,
в важном кресле
Восседать он целый день
привык.

Агроспецы!
Братья агрономы!
Не для шутки
я тревожу вас:
Бросьте
канцелярские хоромы!
Здесь,
в колхозе,
вы нужней сейчас!
В наших центрах
надобно немного
Агрономов
для веденья дел.
Наш народ
широкую дорогу
Вам в колхозы
проложить велел.
Мы вас ждем,
бойцы и работяги!
Строить жизнь
и проявлять размах
Вы должны,
друзья,
не на бумаге,
А в больших
и радостных делах!

Перевел с эстонского
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

ВСЕ В НОРМЕ

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Ну, здесь штат, кажется, неразбухший: всего только два начальника и один рабочий.

Верхневолжские кочевники

Кто сказал, что таборная жизнь на Верхней Волге прекратилась? Ничего подобного. В Калининской области, например, кочевников тьма-тьмущая. Шумливые, хлопотливые, они наводнили все большаки и проселки.

Но это не цыгане. В отличие от них современные странники выглядят культурно, одеты хорошо, да и разъезжают не на скрипучих телегах, а на быстроходных «Победах», «Газах», «Москвичах». Одни едут туда, другие — сюда. На бойких трактах то и дело встречаются автофургоны со скарбом и без скарба, но всегда с пассажирами.

Вот одна из многочисленных встреч.

Из автомобиля раздается зычный бас:

— Привет, товарищ Скворцов!

Из другого автомобиля — лирический тенор:

— Нижайшее почтение товарищу Шевелеву!

— Откуда и куда путь держишь? — поинтересовался бас.

— Из прекрасной Максатихи в славные Горицы! Велено срочно принять портфель председателя райисполкома. А ты?

— Из славного Медного в прекрасную Максатиху! Тоже на председательский пост в райисполком.

— Интересно! — обескураженно гудит бас.

Не менее удивлен и тенор. И есть чему дивиться. Депутаты местных советов в одних районах по воле областного начальства... назначены на выборные посты в другие районы. Причем без всякой на то необходимости!

Будущий максатихинец задает вопрос бывшему максатихинцу:

— Какие еще новости там у вас, то есть теперь у меня? Кто секретарь райкома?

— Смирнов. Только что прислан из Высоковского района.

— А кто мой заместитель?

— Шорников. Из Кировского района. Тоже недавно прислан.

Подъехали еще руководящие переселенцы из Калинина. Беседа потекла живее.

— Что нового в областном центре? Чем занимается начальство?

— Как всегда, переброской кадров. В Брусове уже заправляет не Родин, а Чистяков из Емельянова. В Молодом Туде — не Арсеньев, а Кутузов из Торжка. В Осташкове — не Пугачев (он в Кимрах), а Седов.

И правда, в Калинине дня не могут прожить, чтобы кого-нибудь куда-нибудь не перебросить. Одни деятели переезжают с юга на север, другие передвигаются с милого севера в сторону южную. Результаты налицо: из тридцати девяти районов в шестнадцати попечением областных руководителей обзавелись новыми председателями райисполкомов. В машинно-тракторных станциях области сменилось более ста директоров, главных инженеров и заведующих мастерскими. Переменили место работы сотни председателей колхозов.

Многие ответственные работники перебрасываются, так сказать, перманентно. Вот самый обычный факт. Иван Тихонович Ветчинов до февраля прошлого года работал механиком на одном промышленном предприятии. Потом он изъявил желание работать в сельском хозяйстве. Получив пост директора МТС в Завидове, он переселился туда со всеми домочадцами. Но как только дела в МТС пошли на лад, Ветчинова назначили главным инженером областного управления сельского хозяйства. Пришлось перебраться в Калинин. Там его продолжали перемещать с места на место, и, наконец, горемычный Ветчинов решил пожаловаться на начальника областного управления сельского хозяйства товарища Белобородова. Но... к тому времени Белобородова самого перебросили в Сахарово директором областной опытной станции.

Стоит ли удивляться, что на вечерах художественной самодеятельности частенько распевают романс почти по Пушкину:

Поодиночке, не толпой,
Руководители кочуют.
Здесь принцип действует простой:
Где днюют, там уж не ночуют.

Видимо, преимущества оседлой жизни еще недостаточно оценили некоторые областные руководители, толкающие сотни людей на кочевое существование, причем явно в ущерб делу.

П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

С. ШАТРОВ

Мы влезаем в чужую душу...

Учреждение, где работает папа, имеет дачу в сосновом лесу. Летом мы туда переехали. Нам дали всего одну комнату и половину веранды. Если бы папа не был слабохарактерным, сказала мама, и думал о семье, он мог бы отвоевать целую веранду. Но он не думал. И нам приходится жить вместе с товарищем Заборовским. А он для нас совсем чужой человек. Мама не может залезть к нему в душу. И она не знает, что в ней творится. Чужая душа — потемки.

С Заборовским живет его дочь Тонечка — худенькая, как прутик, девушка. Ее душа — для мамы тоже потемки.

И вот однажды мы сидели на общей веранде: я, мама, тетя Настя, Заборовский и Тонечка — и перебирали грибы. Мы не заметили, как открылась калитка и во двор вошел папа с молодым человеком в узеньких брючках. Они несли радиоприемник. Молодой человек был рыжий, и его лицо было покрыто веснушками — маленькими, средними и совсем большими, как блин. Они внесли приемник на веранду, и папа хотел дать молодому человеку три рубля, но тот замотал головой и сказал, что денег ему не нужно. Папа сказал, что деньги нужны всем и нечего кочевряжиться, но молодой человек еще немного потоптался и пошел на улицу.

— Странно,— сказала мама.

— Что странно? — спросил папа.

— А то странно, что он не взял денег.

— Я и сам удивляюсь,— ответил папа.

— Видимо, поднoска тяжестей не его профессия,— сказал Заборовский.

— Зачем же он таскался по такой жаре три километра с чужим приемником?

— Из альтруизма,— сказал Заборовский.

— Что такое альтруизм? — спросил я.

— А черт его знает! — рассердился папа.— Вечно ты лезешь со своими дурацкими вопросами!

— Может быть, он в самом деле без всяких задних мыслей хотел помочь вам? — сказала Тонечка.

— А кто он такой, чтобы помогать мне: сват, брат или подчиненный подхалим?

— Ну, просто так...

— Просто так и муха не садится на варенье,— ответил папа.— Просто так на свете ничего не бывает.

— Нет, определенно эта история начинает мне не нравиться,— сказала мама.

— Точно такая же история,— отозвалась тетя Настя,— произошла с заслуженной артисткой Далецкой. К ней пришел симпатичный молодой человек и назвал себя монтером Мосгаза. Он проверил плиту на кухне, и Далецкая хотела ему дать пятерку. Но он гордо отказался: дескать, чаевые оскорбляют его человеческое достоинство. Деликатная старушка страшно сконфузилась и начала извиняться и просить великодушно простить ей пережитки прошлого. Она пригласила его в столовую, чтобы вместо пяти рублей подарить фотокарточку, где она в молодости была изображена в роли мадам Сан-Жен...

Молодой человек вошел в столовую, и вдруг потянул носом, и сказал, что в комнате пахнет газом. И он попросил дать ему чистую бутылку, чтобы взять в нее пробу воздуха. Пока Далецкая мыла на кухне бутылку, молодой человек обчистил полкомнаты, унес целый тюк с вещами, но фотокарточку с мадам Сан-Жен почему-то не взял...

— Хорошая у нас растет молодежь, нечего сказать!— вздохнула мама.— Возможно, и наш молодой человек из таких монтеров.

— Я не паникер,— сказал папа,— но меня немного волнует, что он не взял денег. Как бы он не оказался первой ласточкой!

— Не хватает еще, чтобы нас обчистили!— сказала мама.

В этот день мы легли спать в комнате. На веранде осталась одна Тонечка. Мама всю ночь ворочалась в постели. Ей казалось, что молодой человек открывает ставни. Она будила папу. И папа каждый раз подползал к окну, держа в зубах железный шкворень. Он был похож на пирата, которого я видел в кино. Только у того был не шкворень, а кинжал, и он вместо трусов носил голубые шелковые шаровары.

Утром мама встала с головной болью. Папа, не выспавшись, поехал на работу. Так продолжалось несколько дней. Все понемногу начали забывать про молодого человека. Мама уже хотела перебраться на веранду, но пришла тетя Настя и сказала, что она опять видела этого «веснушчатого типа. Он упорно прохаживался возле дачи».

Папа опять взялся за шкворень. Но мама сказала, что это не оружие. Лучше купить двустволку. Тут папа вспомнил про собаку. Можно достать замечательную собаку. Ее даст бухгалтер Ноздрачев. Он уезжает в дом отдыха, и ему не на кого оставить овчарку. Мама сказала, что она терпеть не может собак, но теперь выхода нет.

В воскресенье Ноздрачев привез Кинга — высокого, худого, черно-желтого пса. Морда у Кинга была добрая и умная, только задние ноги немного кривые, и ходил он раскорячившись, не совсем красиво. Ноздрачев сказал, что он так ходит потому, что в детстве ему не остригли на задних лапах когтей, и они здорово отросли, и теперь ему трудно ходить красиво. Папа ответил, что ему плевать на красоту. Важно, какой он сторож. Ноздрачев только улыбнулся и вынул из кармана паспорт Кинга. Там было написано, что Кинг, сын Репса и Норы,— восточноевропейская овчарка.

Папин бухгалтер прожил у нас весь день и все рассказывал, как надо кормить овчарку, и что ей ни в коем случае нельзя давать утиные, куриные и другие птичьи кости, и что из круп она больше всего любит перловку, а из фруктов — сливы. Поздно вечером Ноздрачев уехал. Мама думала, что собака будет всю ночь метаться по даче, выть и искать хозяина, но не тут-то было. Кинг съел целую кастрюлю супа и сразу же завалился спать. Через минуту он уже так храпел, что стекла дрожали.

— У меня создается впечатление,— сказала мама,— что в комнате спит пьяный извозчик.

— Его надо разбудить,— предложил папа.

— Не делай этого! — испугалась мама.— Спросонья он может кинуться на тебя.

Мама всю ночь не сомкнула глаз. Зато Кинг хорошо выспался. Утром он встал позже всех. Он снова запросто съел кастрюлю супа, прогнал со двора кошку и облаял проезжавший мимо автомобиль.

— Это мне начинает нравиться,— сказал папа.— Он уже почувствовал себя хозяином. Он будет хорошим сторожем.

Через несколько дней мы перебрались на веранду. Мы опять стали забывать про молодого человека. Кинг целыми днями носился по двору, и стоило кому-нибудь появиться на улице, как он со всех ног бежал к забору и поднимал страшный лай.

— Определенно на него можно положиться,— сказал папа.— Прав был Ноздрачев. Пес знает свои обязанности. Он не даром ест свой суп и не жалеет глотки. Его надо премировать за бдительность!

Мама взяла позавчерашнюю котлету и пошла угощать Кинга. В это время на улице показался молодой человек. Он шел не спеша, поглядывая исподтишка на наш двор. У Кинга шерсть на спине встала дыбом, и он бросился к забору. Он залаял изо всех своих собачьих сил. Молодой человек остановился и ласково сказал:

— Фу! Нельзя, дурень!

Кинг сразу же закрыл пасть и завертел хвостом, будто перед ним стояли папа Репс и мама Нора.

Молодой человек просунул руку в щель забора и почесал у Кинга за ухом.

— На место! — не своим голосом закричал папа.

Но Кинг и ухом не повел. Он побежал следом за веснушчатым молодым человеком, тыкался мордой в забор, чтобы тот почесал его.

— Боже мой, вы видели что-нибудь подобное?!.— простонала мама.

— Все ясно,— сказал папа.— Подлец Ноздрачев втер нам очки. Она только по паспорту овчарка. Вот вам еще одно доказательство, что нельзя слепо доверять любой бумаге.

— Что же теперь будет? — спросила мама.

— Ничего особенного. Если заберутся воры, Кинг поможет им вытащить вещи.

И мы снова перебрались с веранды в комнату. А молодой человек чаще и чаще показывался на нашей улице. Мамины нервы сильно натянулись, и она сказала, что они не выдержат, если мы не узнаем, кто этот молодой человек. И Заборовский узнал.

— Оказывается,— сказал он,— этот юноша живет неподалеку от нас. Его фамилия — Рукавишников. Он сын профессора.

— Час от часу не легче! — сказала мама.

— Почему вы так огорчились? —удивился Заборовский.

— Вы же сами сказали, что он сын профессора. Значит, он плесень.

— Странное заключение!

— Ей-богу, Виктор Васильевич,— рассердилась мама,— создается впечатление, что вы не читаете фельетонов! Возьмите любой фельетон, и вы узнаете, что если сын—плесень, то отец — профессор или академик. Это уж такой закон. А раз он плесень, ему ничего не стоит надеть голубой пиджак, поехать в ресторан танцевать «Мамбу», а потом обокрасть дачу.

— Чепуха,— сказал Заборовский.

— Моя старуха,— сказал папа,— не читает передовиц и отчетов о пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи, но фельетоны, будьте покойны, она читает от строки до строки. По этой части она у меня крупный специалист.

— Когда вы сказали, что он сын профессора,— продолжала мама,— для меня сразу стал ясен его моральный облик. Будто я залезла с фонарем в его душу... Теперь остается только одно — пойти в милицию и рассказать, что угрожает нашему дому.

Папа пошел в милицию. Очень скоро он вернулся оттуда. Он был в не слишком хорошем настроении.

— Ну, что сказал участковый? —спросила мама.

— Ничего. Его это мало интересует.

— Понятно,— сказала мама.— Если ты сойдешь с задней площадки, милиция тут как тут. Если старуха начнет переходить улицу не в том месте, они начинают свистеть, как сумасшедшие. А вот предупредить преступление не их дело!

С этого дня мама начала еще больше волноваться. Дача ей опротивела. И Кинг ей опротивел. И мы начали потихоньку перевозить свои вещи в Москву. А потом и мы сами съехали с дачи.

Дома мама стала опять веселой. Она уже не вспоминала про молодого человека с веснушками, большими, как блин. И мы совсем было забыли про него, если бы однажды не пришел папа и не сказал:

— Угадай, с кем я встретил на улице сына профессора Рукавишникова? Никогда не угадаешь!

— С участковым милиционером?

— Как бы не так! С Тонечкой!

— Интересно,— сказала мама,— как Заборовский разрешил своей дочери общаться с плесенью?

— С какой плесенью! — рассердился папа.— Он вполне приличный молодой человек. И вообще надо больше доверять людям и не мазать всех черной краской.

— Что же ты не был таким умным на даче? — спросила мама.— Почему мы уехали оттуда раньше срока?

— Из-за тебя,— сказал папа.— Не надо было поднимать паники...

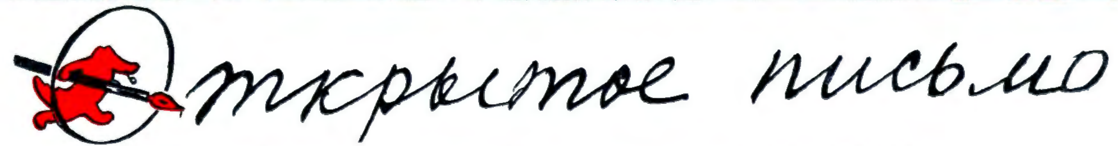
Мама ничего не ответила. Она не любит ругаться с папой. Недаром у нее золотой характер. Она тихонько взяла газету и начала читать фельетон еще про одну плесень.

Из-за плохой крыши в библиотеке Института мировой литературы Академии наук СССР портятся ценные книги.

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

ВЫДАЧА КНИГ В БИБЛИОТЕКЕ ПРОИЗВОДИТСЯ ОТ 6 ДО 8 Ч.

ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ:— Вот что значит быть предусмотрительным!

Председателю правления Центросоюза тов. А. П. КЛИМОВУ

Приезжайте, Александр Петрович, еще раз в г. Фрунзе! Вы и не представляете, с каким нетерпением вас опять там ждут! Первый ваш визит произвел на всех буквально неизгладимое впечатление.

Оно и естественно: за последние десять лет ни вы, ни ваши предшественники не баловали кооперацию Киргизии своим благосклонным вниманием и тем более личным присутствием. Поэтому телеграмму-молнию о вашем вылете во Фрунзе киргизские кооператоры восприняли с истинным воодушевлением, я бы сказал, с неподдельным восторгом.

Впечатление было ошеломляющее. По словам очевидцев — секретаря Фрунзенского горкома комсомола В. Сбытова и редактора городской сатирической газеты «Комсомольский пост» В. Полякова,— весть о вашем прилете преобразила за какие-то сутки до неузнаваемости торговую сеть фрунзенской кооперации.

Еще вчера на запыленных прилавках и витринах городского коопторга сиротливо валялись сморщенные яблоки и увядший лук. А сегодня вычищенные до блеска витрины и свежевымытые прилавки ломились от изобилия вкусной и ароматной снеди, которая радовала глаз и дразнила аппетит.

Недоверчиво настроенные прохожие подолгу останавливались у витрин и не решались войти в магазины: они были уверены, что все это муляжи, выставленные для рекламы. Каково же было их удивление, когда из магазинов выходили покупатели с пакетами и полными кошелками!

Подобная метаморфоза невероятно поразила жителей Фрунзе: плохая работа местного коопторга давно стала притчей во языцех. В области 190 колхозов. Налицо все возможности действительно завалить продуктами всю торговую сеть. Блестящие мастера по части составления радужных планов, коопторговцы позорно спасовали, когда дошло до реализации этих планов. Договоры на комиссионную продажу продуктов заключены только с семью колхозами! Вместо 75 тонн мяса на комиссионных началах закуплено было всего 5 тонн, вместо 37 тонн фруктов — только 3 тонны, вместо 30 тонн овощей закупили... ничего не закупили, ни килограмма!

И, несмотря на это, магазины торга ломились от изобилия мяса, масла, яиц, овощей и фруктов!

И всем этим жители столицы Киргизии обязаны вам, Александр Петрович! Я ничуть не преувеличиваю ваших заслуг: магазины коопторга преобразились именно в ознаменование и по случаю вашего приезда.

Как только стало известно о вашем предстоящем прилете, на колхозные рынки были снаряжены грузовики, и представители коопторга за наличные деньги скупали все, какие были на рынках, продукты. Скупали и свозили в магазины, где их нетерпеливо дожидались продавцы, которые тут же раскладывали купленное по полкам, прилавкам и витринам.

Эффект, повторяю, получился впечатляющий. Вы и не подозревали, да и не могли подозревать, что перед вами разыграли настоящий спектакль.

Стоило вам покинуть гостеприимный город Фрунзе, как магазины коопторга снова опустели, и туда опять никто уже не заглядывает.

Теперь вам понятно, Александр Петрович, почему жители Фрунзе с таким нетерпением ждут, когда вы вновь к ним приедете? Хотелось бы, чтобы на этот раз ваше пребывание во Фрунзе было более продолжительным, а знакомство с кооперативной низовкой более глубоким и основательным, после чего, не сомневаюсь, в магазинах опять появится изобилие продуктов, на этот раз не временное, а постоянное.

Не оставьте же без внимания просьбу жителей Фрунзе! До скорой там встречи!

Крокодил

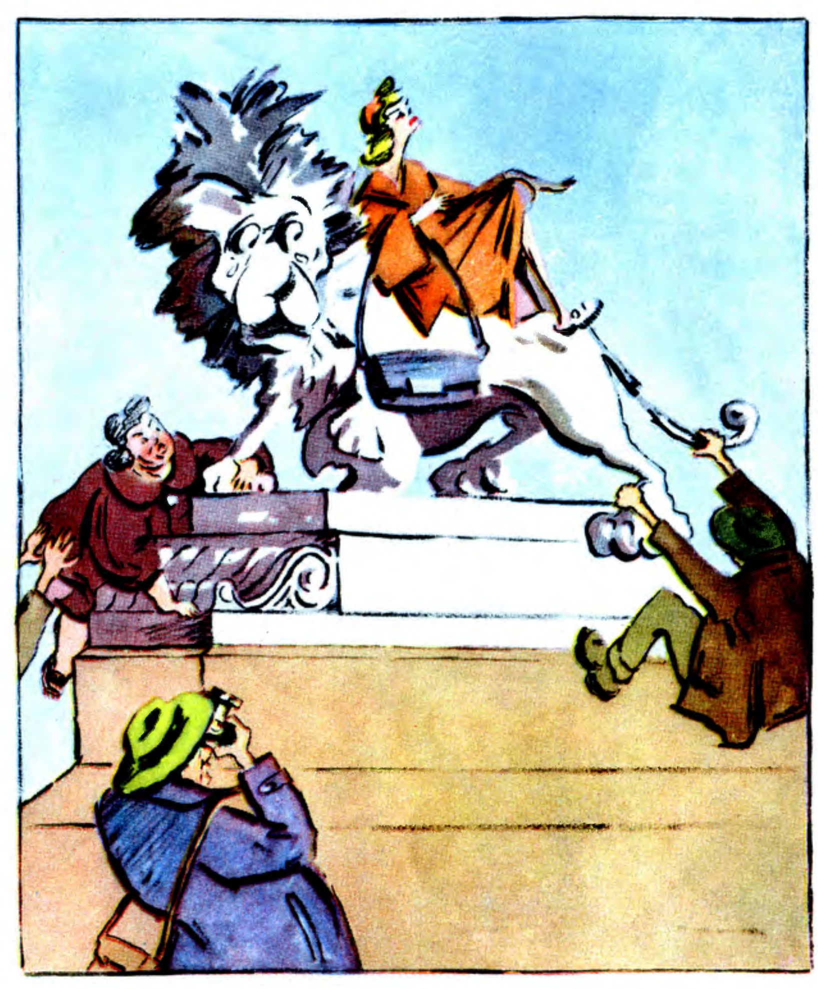

Ленинградский Союз советских художников выпускает сатирические плакаты творческого коллектива «Боевой карандаш».

Листы «Боевого карандаша» хорошо знакомы ленинградцам и пользуются у них большой популярностью.

В этом номере мы знакомим читателей нашего журнала с некоторыми работами художников «Боевого карандаша».

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ

Художник И. НАЙМАРК.

Художник М. МАЗРУХО.

Художник А. ДАВЫДОВ.

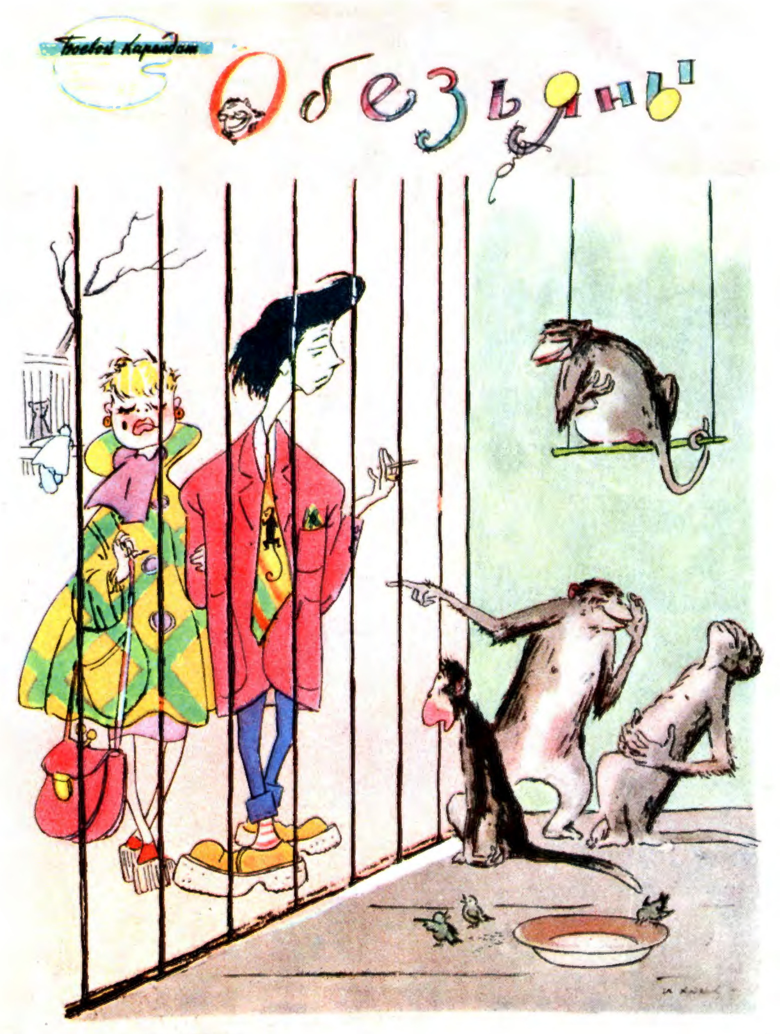
КНИЖНЫЙ ЖУК.

ЖУК МАНУФАКТУРНЫЙ.

КИНОЖУК.

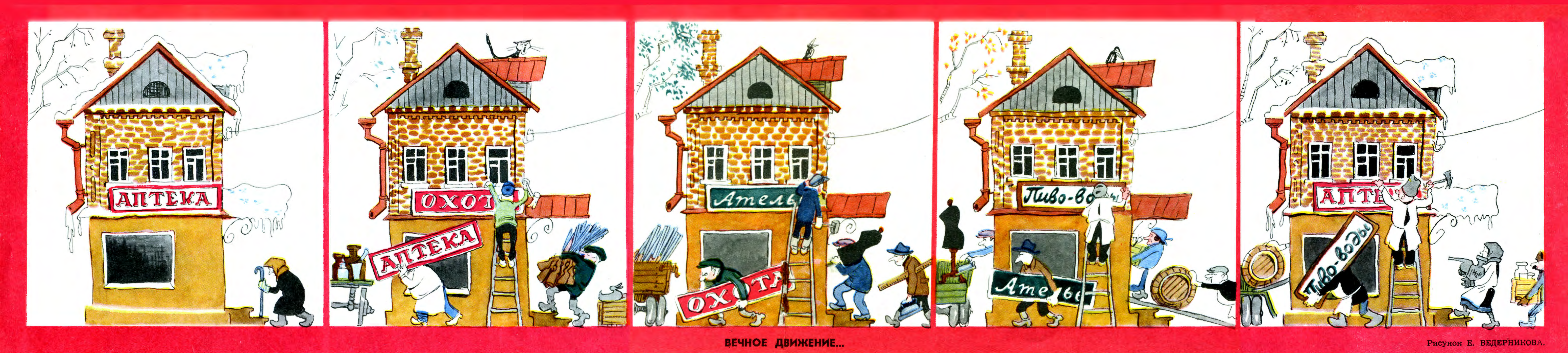
Художник Л. ХУДЯКОВ.

„ОТКРЫТИЕ"

Художник Ю. ЛОБАЧЕВ.

ТОВАРИЩ УПРАВХОЗ, ТАМ НА ДНЕ—АСФАЛЬТ!

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ...

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Хикмет ЭФЕНДИЕВ

Мушиное сердце

Уселась Муха Льву на хвост
И зажужжала живо:
— Ах, если б мне твой дивный рост,
И пасть, и рык, и гриву!
Я б не боялась никого,
Была бы сил полна я,
А то два крылышка всего —
Вот и вертись, как знаешь!
— Ну что же,— улыбнулся Лев,—
Объединим усилья.
Я дам тебе свой рост и зев,
А ты отдай мне крылья,
Вот я и подивлюсь тогда
Твоей великой силе...
И вскоре план свой без труда
Они осуществили.
Лев мухой в облаках исчез,
Жужжа довольно гулко,
А муха львом в ближайший лес
Явилась на прогулку.
Она то разевает пасть,
То потрясает гривой,
И ждет, когда же будут класть
Поклоны ей учтиво.
И вдруг ее бросает в пот,
Трясет ее от страха:
Навстречу прямо к ней ползет
Злодейка-черепаха.
Вмиг Муха-лев поджала хвост,
Как делают щенята,
И, несмотря на львиный рост,
Метнулась прочь куда-то.
В безумном ужасе дрожа,
Неслась лесной дорогой,
Истошно на бегу визжа:
— Не надо! Ай! Не трогай!
Забилась в чащу, вся вспотев,
В кустах в комочек сжалась
И думает: «Ведь я же лев,
Чего ж я испугалась!!»
А птичка с ветки ей твердит:
— Недаром ходят слухи,
Что бесполезен львиный вид
Тому, в ком сердце мухи!

Перевел с азербайджанского Юрий ФИДЛЕР.

Рисунки К. РОТОВА.

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

«Кулика-то может совсем не быть»...

Маяковский говорил: «— Поэзия — вся! — езда в незнаемое». А вот для литературного редактора областной газеты «Красный Курган» А. Петрова никакой езды в незнаемое нет. Ему все заранее ясно, стоит только оседлать своего конька. И уж, конечно, если в стихах речь зашла о доярках, то непременно тут должно «булькать молоко»...

Перед нами страницы рукописи стихов молодого поэта, работника районной газеты Василия Юровских, исчерканные во всех направлениях размашистым пером бойкого рецензента. В одном стихотворении Юровских (еще сыром, далеком от совершенства, но очень теплом и богатом интересными деталями) речь идет о том, как утром на молочно-товарной ферме доярки с интересом узнают об итогах работы за месяц, о своих производственных успехах. Слушая учетчика, люди видят, «как из цифр скупых рождаются герои». В соответствии с содержанием стихотворение названо автором «Рождение героев». Однако рецензенту А. Петрову это название не понравилось. Он поставил рядом знак вопроса, но не удовлетворился этим и приписал категорическое — **«сменить».** Затем он зачеркнул три строфы из середины стихотворения и рядом, на полях, наложил следующую резолюцию: **«Работать надо, а не сидеть. Нужно нарисовать картину труда, а не подведения итогов».**

Удивляет не только бессмысленность этих замечаний, но и приказной, градоначальнический тон. Так и чувствуешь, что до поступления в редакцию газеты А. Петров где-то уже успел набить руку на циркулярах. Перечеркнув стихотворение молодого автора, он все в той же безапелляционной форме указывает: **«Содержание должно быть: встают колхозницы, пошли, а через пять минут звенит посуда (ведра, подойники), булькает молоко. Надо указать приметы, характерные для этой поры на ферме».**

В другом стихотворении описываются переживания двух влюбленных, живущих в разлуке. Рецензент перечеркнул начальные строфы и рядом написал: **«Заменить, дав примерно такое содержание: ты уехала по путевке, а мне без тебя стало скучно (тяжело). Ты в новом коллективе, среди новых знакомых, но я верю: ты меня любишь, ты меня не забудешь. Можно и так: уехал я, она осталась дома. Тогда можно будет сказать: приезжай скорее насовсем».**

Стихотворение «Незнакомой девушке» рецензент рекомендует назвать **«Прекрасной незнакомке».** От всего стихотворения он оставляет лишь первую строфу:

Пляшет ветер на снегу.
Я за ветром побегу,
У меня такое сердце —
Я догнать его могу...

Зачеркнув все остальное, А. Петров предлагает свой вариант. Он пишет: **«Продолжение должно быть примерно такое: а вот тебя, моя незнакомка, не могу догнать. Иду за тобой и не смею, не решаюсь приблизиться (робок, нет повода). Оглянись, приостановись, попробуй заговорить со мной сама или дай повод к этому. А уж тогда-то я найду, что сказать. Всю душу выложу. Мне бы только начать. Помоги, и нам не будет скучно идти вдвоем. Хорошо бы вставить такую мысль, и уж тогда-то я тебя догоню».**

А чего только стоит одно замечание А. Петрова на полях стихотворения В. Юровских о речушке Барнёвке! В нем есть две такие рядовые строки: «В речке плещется осока и долговязый серенький кулик».

А. Петров вынес приговор и по поводу этих строк: **«Это непостоянная, временная и даже случайная примета. Кулика-то может даже и совсем не быть...»**

Поэту, получившему подобную рецензию, остается только одно: надежда на то, что бойкий рецензент в редакции газеты «Красный Курган» — «...непостоянная, временная и даже случайная примета».

Игорь КОБЗЕВ

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Говорун

Сразу видно: индивид —
говорун с запасом.
Он людьми руководит
министерским басом.
Речь заране сочинив,
он ее с разгона
на один ведет мотив,
не меняя тона.
Минус ставит или плюс
наш руководитель,
а вокруг не дуют в ус.
Получается конфуз,
что ни говорите.
Пышет жаром речь, как печь,
будит мух запечных,
но не в силах речь зажечь
сонных подопечных.
Час за часом, день за днем
крик летит с насеста...

Что еще сказать о нем!
Хватит! Жалко места.

Г. МАЛИНИН

Марсианин

Докладчик за каких-то полчаса
О Марсе рассказал нам чудеса.
Вздохнул сосед мой:
— Ишь ты, знает,
Какая там трава весною прорастает,
А вот спроси его про сенокос районный —
Ни в зуб ногой!
— Постой! —
Воскликнул я, признаться, удивленный.—
Как знать ему о том!
— Так это ж нашей зоны агроном!..

Не забывай, витая в облаках по свету,
Свои дела, свою планету.

СПОРТИНВЕНТАРЬ КАНЦЕЛЯРИСТА

У РАЗБИТОГО ОКНА

Один весьма благовоспитанный джентльмен говорит другому весьма благовоспитанному джентльмену:

— Бери карандаш и пиши. Отмечай наши достижения за истекший год. Первое достижение: нам дали по шее. Второе достижение: нам заехали, мягко выражаясь, в физиономию. Третье достижение: нас, совсем не мягко выражаясь, спустили с лестницы. Записал? Отошли в газету.

В газете все это было сформулировано более изящно:

«После одержанных нами блистательных побед наши войска торжественно покинули Египет».

Такой изящный лирический стиль усвоили в последнее время многие английские газеты при описании ухода англо-франко-израильских войск из Египта. Эти газеты всячески пытаются отозваться о полученных пощечинах, как об аплодисментах, переходящих в овацию.

Такого рода чистописание не только вызывает улыбку за рубежом, но приводит в смущение многих англичан. Недаром журнал «Спектейтор» в одном из последних номеров пишет:

«Утверждая, что наша операция (точнее, агрессия.— **Г. Р.**) была успешной, мы находимся в положении, довольно похожем на положение члена шайки грабителей, который... говорит: «Мы провели операцию чрезвычайно успешно: мы, в сущности, не захватили никаких драгоценностей, но мы разбили окно».

Вот у этого разбитого окна и сидят в глубокой задумчивости некоторые английские политики.

О чем они думают?

Во-первых, о телефоне. Он их здорово подвел.

Во-вторых, о французском премьере. Он тоже их подвел.

С телефоном случилась большая неприятность. Надо полагать, что руководители внешней политики Великобритании крепко обижены на того легкомысленного изобретателя, который придумал этот аппарат.

Дело в том, что английский министр иностранных дел Селвин Ллойд постарался выгородить Вашингтон, утверждая, что в Белом доме знать не знали и ведать не ведали о готовящемся нападении на Египет.

Вот, мол, полюбуйтесь, какие мы самостоятельные вояки-забияки! Сами, без разрешения начальства, пустились в драку.

«При чрезвычайном положении,— заявил господин Ллойд,— не было времени для консультаций, которые мы хотели бы провести с нашими друзьями».

Попали в цейтнот — не было свободной минуты... Тут уж не до консультаций, не до согласований, когда все планы агрессии составлены и расписаны по минутам...

Но сочинители этой хиленькой версии забыли о существовании телефона. И вот им задают каверзный вопрос:

— В тот день, когда началась агрессия, во всем Лондоне, что ли, была попорчена телефонная связь? Нет? Телефон исправно работал? А почему тот же господин Ллойд не поднял трубку и не позвонил американскому послу: «Доброе утро, мистер Олдрич! Простите, что так рано... Это вас беспокоит Селвин Ллойд. Хочу сообщить, что мы через часок — другой совершим нападение на Египет. Привет супруге...»?

Но не будем упрекать господина Ллойда в том, что он не воспользовался телефоном. Если в то утро он действительно не звонил дяде Сэму, то вовсе не потому, что был очень занят, а потому, что дядя Сэм мог ему ответить:

— Ни слова, о друг мой, ни вздоха. Не говори мне ничего. Пусть будет так: я ничего не слышал.

Ведь дело-то было как раз накануне выборов. Кроме того, дядя Сэм пытается заигрывать с арабскими странами. И дяде Сэму выгодно делать вид, что его обошли, не информировали, обидели.

Но подвел Ги Молле. И сидит Джон Буль у разбитого окна и горько сетует на французского премьера, который невольно разоблачил своих британских партнеров, громогласно заявив:

«Английское и французское правительства полностью информировали правительство США о своих намерениях и своих решениях».

Но дяде Сэму так понравилась игра в незнайку, что он упорно продолжает притворяться «нейтральным». А на самом деле он усиленно повторяет латинское слово «вакуум». То есть пустота. Англичан и французов выгнали, и там, вблизи пирамид, образовалась пустота, которую надо заткнуть долларом. Вакуум!

Эта американская латынь не по душе Джону Булю, сидящему у разбитого окошка.

«Дядя Сэм, Джон Буль и компания» — так озаглавлена статья редактора английской газеты «Санди таймс» Генри Ходсона, недавно напечатанная в американском журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин».

От имени Джона Буля Генри Ходсон обиженно жалуется на коварного дядю Сэма, который решил «заменить» Джона Буля на Арабском Востоке.

Он говорит об «упадке доверия и взаимопонимания». О том, что «англо-американские отношения требуют не только исправления, но и некоторой перестройки».

Что случилось? Почему Джон Буль решил возроптать и заговорить языком разочарованной девицы:

Ты не думай, милый мой,
Что гоняюсь за тобой.
Я давно забыла,
Что тебя любила...

Ходсон с упреком заявляет своему милому:

«Американская политика, по моему мнению, является сейчас не активной и интервенционистской, а пассивной и примирительной».

Ходсон забывает, что яйца не должны кур учить и что вообще ученого учить — только портить. Сказать, что нынешний дядя Сэм похож на ангела с ветвью мира в руках,— это же значит ни за что, ни про что оклеветать дядю Сэма!

Ходсон считает своим долгом заверить дядю Сэма, что ему не надо стесняться дружбы с британскими колонизаторами.

«Колониальная политика и практика Англии,— заявляет Ходсон, не краснея,— принадлежат к числу самых истинно прогрессивных сил, действующих в настоящее время на земном шаре».

Рекламируя такой «прогрессивный» товар, как колониализм, Джон Буль тем самым дает понять, что одного разбитого окна ему мало.

Он предлагает Америке и Англии еще теснее «объединиться в деле построения мира». Словом, объединиться для того, чтобы в более широких масштабах бить стекла в окнах.

Он забывает при этом, что каждое разбитое окно превращается для колонизаторов в разбитое корыто.

Г. РЫКЛИН

Рисунок Ми Гу (Китайская Народная Республика), выполненный для «Крокодила».

ЭВОЛЮЦИЯ БРИТАНСКОГО ЛЬВА.

Мрачноватое подземелье, изображенное художником Ю. Ганфом на этом рисунке, кратко именуется КОБК.

КОБК — это значит Комбинат по Обслуживанию Битых контрреволюционеров. Находится где-то в Западной Европе. Не то в Мюнхене, не то в Вене. А может быть, в самом Бонне. Заведение сугубо секретное, поэтому точно установить его местонахождение трудно.

Сейчас в комбинате горячая пора. Полным ходом идет прием и обработка фашистов-хортистов, успевших улизнуть из Венгерской Народной Республики. Хозяева комбината еще имеют на них виды...

Очередной клиент, попадающий в КОБК, первым делом поступает к костюмеру. Здесь его переодевают в невинные штатские одежды.

Затем клиента гримируют. В ожидании этой операции он может сыграть партию—другую в «битую карту» — популярную среди беглых реакционеров карточную игру.

После этого клиента передают в отдел, занимающийся поднятием морального духа. Отдел состоит из: а) диктора «Свободной Европы» и б) набора крепких напитков. Поглотив изрядные дозы «правдивой информации» и алкоголя, клиент может получить в кассе причитающиеся ему авансом доллары и отбыть на выполнение очередного шпионско-диверсионного задания.

Сведения о суммах, отпускаемых на бесперебойную работу КОБК, можно почерпнуть в резолюциях американского конгресса.

В ТОМ ЖЕ САМОМ ЖАНРЕ...

Итальянец Энрико Де Тома — бывший государственный служащий — решил разбогатеть. Перебрав все известные способы добывания денег, он не нашел среди них ни одного, заслуживающего внимания. Сейчас Де Тома сидит в тюрьме вместе со своим напарником Убальдо Камнасио и на досуге ищет тот злополучный камень, о который он споткнулся, шагая по открытому им самим пути к богатству.

Читая регулярно газеты и журналы правых партий, синьор Де Тома подметил, что они все чаще и чаще начинают поминать добрым словом покойного дуче, а также печатать мемуары его сообщников. Создавалось впечатление, что эта пресса прямо-таки взяла на себя обязанность сделать достоянием читателей чуть ли не каждую выцветшую строчку из личного архива Муссолини...

И вот в один прекрасный день бывший государственный служащий вступил в сделку с неким Убальдо Камнасио, неплохо владеющим пером. Так родилось новое литературное содружество. В результате еженедельник «Оджи» начал из номера в номер публиковать «Переписку Муссолини с Черчиллем». И вдруг недавно, к удивлению подписчиков «Оджи», принявших этот «эпистолярный роман» за чистую монету, обнаруживается, что его авторами были... два афериста. Теперь Де Тома и Камнасио должны предстать перед судом.

Напрасно, однако, Де Тома и Камнасио считают себя изобретателями нового литературного жанра. Если бы они захотели получить на него патент, им бы ответили, что патентом вот уже много лет владеет газета «Иль Пополо» — орган христианско-демократической партии Италии. Правда, «Иль Пополо» практикуется в изготовлении фальшивок совсем другого рода. Последним сочинением в этом жанре явился напечатанный недавно в газете «Циркуляр Коммунистической партии Италии партийным организациям и секретарям партгрупп Тосканы». Чуть ли не в каждой строчке этого «циркуляра» встречаются такие выражения, как «достопочтенные товарищи», и вообще от «циркуляра» так сильно пахнет церковью, что вовсе не обязательно быть коммунистом, чтобы понять, кто его сочинил. Тем не менее его авторы — а это, надо полагать, «лучшие» журналисты «Иль Пополо» — спокойно разгуливают на свободе.

Скоро Де Тома и Камнасио поднимутся со скамьи подсудимых, услышав традиционное «Суд идет!». Авторам «Переписки Муссолини с Черчиллем» придется отвечать вдвойне: во-первых, за подлог, а во-вторых, — и эта вина, пожалуй, будет посерьезнее — за непочтительное отношение к двум уважаемым нынешним итальянским правосудием лицам.

Что же касается авторов «циркуляра», то они могут спать спокойно. Ведь подлог — это самое что ни на есть «законное» средство борьбы против коммунистов.

Е. МИХАЙЛОВ

Техническая новинка

С некоторых пор, а точнее, со времен англо-франко-израильской агрессии против Египта, в обиход многих западноевропейских автомобилистов начали входить технические термины, соответствующие русским «тпру!», «но!», «не балуй!» и т. п. Да и что поделаешь, если машина приводится в движение не условными лошадиными силами, а вполне конкретными лошадьми!

Когда нет бензина, единственный выход — тащить машину на буксире. И вот в новенький, сияющий автомобиль впрягают обыкновенную ломовую лошадь...

«Владельцы бензоколонок, — сообщает парижское радио, — отпускают бензин своим постоянным клиентам, отсчитывая буквально по капле». Впрочем, обилием горючего не могут похвастаться владельцы бензоколонок и в других странах Западной Европы. На этой фотографии, взятой из польской газеты «Трибуна люду», запечатлена сценка на одной из дорог Голландии.

Интересно знать, как чувствует себя сидящий за баранкой автомобилист. И какие он термины употребляет по адресу тех, кто своим «разрешением суэцкого кризиса» посадил Западную Европу на голодный бензопаек...

ПОСЛЕ УКАЗА

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— На кухне теперь никого не тронь... всюду приходится быть вежливой... просто измучилась!..

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

«Двадцать два с метелкою»

...Мягкий снежок ласково сыпался с небес. Зимний вечер незаметно окутал землю. И вдруг... Мглинский район, аккуратно соблюдая свои административные границы, оторвался от Брянской области и понесся куда-то вдаль. Через некоторое время он приземлился на территории Орловской области. Здесь район и остался со всеми своими домами, садами, лесами и пашнями...

Чудеса? Фантазия? Не знаем. Справки можете навести в редакции газеты «Сельское хозяйство», ибо именно она 13 октября сообщила своим читателям, что Мглинский район принадлежит Орловской области.

Но для того, чтобы удивить читателей, совершенно не обязательно иметь «на своем вооружении» какие-то необыкновенные, из ряда вон выходящие события. И обычный, заурядный факт при умении можно описать потрясающими красками. Газета «Советская Кубань», например, для того, чтобы раскритиковать непрочную обувь, опубликовала следующие лирические строки:

«Он влюбился, и она,
Контролерша с фабрики,
Тоже страстно влюблена,
Жмутся, словно зяблики».

Далее газета повествует о том, как пошел дождь и у кавалера размокли новые ботинки. По этому поводу молодой человек бросает едко-иронические слова:

«Он с улыбкой колкою
Указал ей:
— Вам мое!..
Двадцать два с метелкою!..»

А вот иной случай. Стихи «Когда я узнаю об этом», опубликованные в газете «Путь Октября» (Старо-Оскольский район, Белгородской области), по форме вовсе не удивительны. Удивительно здесь другое. Стихи напечатаны в газете дважды: один раз за подписью А. Михайловского, другой раз за подписью К. Александрова.

Что это? Плагиат? Нет, не плагиат. Истинный автор стихов — редактор газеты «Путь Октября» А. Г. Кепов, а обе подписи под стихами — его псевдонимы.

Р. КЛЕВАКИН

БЕСПЛОДНЫЕ ПОСЕВЫ

В записных книжках А. П. Чехова есть выражение: «...если посадить в землю оглоблю, то через год вырастет тарантас».

Работники Министерства топливной промышленности РСФСР решили по этому рецепту испытать «на всхожесть» станки и машины.

Опытным участком они избрали станцию Голынки.

Несколько лет назад сюда было завезено большое количество заводского оборудования. Сгрузили его и стали терпеливо ждать, когда из этого оборудования вырастут два брикетных завода.

Уход и наблюдение за опытным участком, на котором разместили груз стоимостью в несколько миллионов рублей, поручили Смоленскому торфотресту.

И что ж вы думаете? Оборудование очень хорошо принялось на смоленской земле! Некоторые детали уже наполовину вросли в почву. Все оборудование круглый год пышно цветет... ржавчиной. Но вот беда! Эти соцветия не дают ожидаемых плодов, несмотря на то, что оборудование обильно поливают дожди, а на зиму плотно заваливает снегом.

«Еще не акклиматизировалось наше оборудование,— успокаивают себя работники Министерства и Торфотреста.— Подождем еще годик — другой. Все же это не деревянная оглобля, а металлические детали».

И ждут.

ГДЕ ДОСТАТЬ ВИЛЫ!

Житель поселка Теплый, Чкаловской области, В. Н. Синицын сообщает, что в магазинах поселка невозможно купить вилы.

Может быть, местная промкооперация утеряла секрет изготовления этого сложного агрегата? На подобный случай шлем чкаловским кооператорам наши крокодильи «Вилы».

Пользуйтесь!

В. АРДОВ

Больное место

Кто же не знает: если у вас есть больное место, именно этим местом вы и будете тыкаться обо все мыслимые и немыслимые предметы на вашем пути.

Тов. Мусляков, Павел Прохорович, занимающий немалый пост заместителя председателя облисполкома по промышленности, познал этот закон на собственном опыте. Но познал своеобразно, мы бы сказали, ибо больным местом у него оказалось... Впрочем, расскажем, как оно вышло на деле.

Павел Прохорович вернулся с работы позднее обычного, и по многим признакам супруга его Екатерина Степановна установила, что ее благоверный в дурном настроении. В очень дурном! Он угрюмо сел к столу, чтобы в одиночестве скушать свой обед (семья, не дождавшись Павла Прохоровича, отобедала раньше). Молча возил ложкой по глубокой тарелке со щами; громко вздыхая, отщипывал кусочки хлеба прямо с хлебницы; перчил и солил еду так, словно не себе самому готовил блюда, а собирался отравить некоего врага...

И вдруг поднял голову, прислушался. И спросил жену:

— Это кто еще там разговаривает?

— Кто, кто... К нашей Клавочке подружка пришла, Леля. Сидят на диване, кроссворд решают...

— Чего решают?

— Ну, кроссворд. В журнале. Что ты, не знаешь? Там разные клеточки, и в каждую клеточку букву надо вписать, чтобы вышли слова...

— Какие такие слова?

— Да ты что придираешься? Слова, которые тут же, в журнале, описаны...

— Как описаны?

— А ну тебя, Павел! Ты уже совсем с ума сошел!..

И супруга, убрав со стола грязную тарелку, вышла из комнаты.

Мусляков же стал прислушиваться. Две веселые девушки смеялись от беспричинного, молодого веселья, перекидывались вперебой такими репликами:

— Строительный материал из шести букв...

— Какая первая буква?

— Не знаю. Последняя буква «ч»...

— «Ч»... «ч»... Стой! Это, безусловно, кирпич!

— Правильно! Как мы сразу не догадались?

Взрыв смеха.

Мусляков опустил голову и перестал жевать.

— Какое им-то дело до кирпича?..— пробормотал он сердито.— Ну, ладно, ну, признал же я сегодня на бюро обкома, что с кирпичом у нас в области плохо. Ну, моя вина. Ну, не наладил. Не поощрил инициативу... Но дома-то уж, кажется, можно было бы мне дать покой?..

А девицы, отсмеявшись, продолжали:

— Восемнадцатое по горизонтали... Начинается как раз этим «ч»... Что там написано?

— Кровельный материал. На «ч». Как ты думаешь?

— Стой, Лелька, я знаю! Ей-богу! Это чечевица!

— Черепица, дура... А чечевица знаешь что? Крупа...

— И не крупа, а бобы такие темненькие...

— Ну, все равно... Чечевица — кровельный материал!.. Ой, не могу!

Новый взрыв смеха. Мусляков бросает вилку на стол.

— Они что, нарочно, да?.. Мало меня грели сегодня за эту черепицу и за камышит?..

Он разевает рот, чтобы крикнуть дочери что-нибудь строгое, но передумывает. Снова берет в руки вилку, начинает ковырять котлету, однако прислушивается...

— Домашний сосуд для хозяйственных целей... Таз, что ли?

— Какой же таз, когда пять букв!

— Может, лохань?

— Лохань — шесть букв. Окоренок, а?

— Сама ты окоренок! (Смех.)

— Ну, может, ванна?..

— Не подходит: первая буква «м».

— Тогда, действительно, получается не ванна, а манна... Смотри: опять крупа! (Смех.)

— Ну тебя, Клавочка, я серьезно хочу решить...

— Горшок? Нет! Чайник?

— Чудачка! Чайник же с носиком... Тогда бы было написано, что сосуд с носиком...

— Вот уж необязательно... Ведь если про тебя говорят «Леля», никто же не скажет «Леля с носиком»!

Очень большой приступ смеха у обеих подруг. А Мусляков сидит, опустив нос в котлету. В голове его мелькает: «И ничего из того, что сейчас назвали девушки, у нас в области не делают: ни тазов, ни лоханей, ни окорят, ни чайников...»

— Миска! — торжествуя, кричит Клава.

«И мисок нет!— про себя констатирует Мусляков.— Какой-то особенно подлый кроссворд...»

— Дальше давай. Деревянная утварь в семь букв.

— Вешалка.

— Семь букв! Понимаешь: семь!

— А в вешалке сколько, по-твоему?

— Да, правда... Только тут начинается с «п».

— Значит, плечики.

— Какие плечики?!

— Вешалку тоже так называют...

— Погоди, далась тебе вешалка. Может, полоскательница?

— Вот так семь букв! Вот так деревянная!

Чудовищный приступ смеха. Мусляков страдальчески морщится.

Успокоившись, подруги решают дальше:

— Форма взыскания. Этого я не понимаю...

— Ах, боже мой!.. Ну, там штраф или выговор... А может, судимость...

Тут Мусляков ударяет кулаком по столу и вопит:

— Сейчас перестать, отвратительные девчонки!!!

За дверью воцаряется молчание. Потом недоуменный шепот. Мусляков дрожащими руками пытается закурить. Входит жена и наивно начинает:

— Паша, я тебя хотела попросить, чтобы ты позвонил в ателье: Клавочке нужно шить пальто, а там, конечно, очередь на полтора года. Когда уж у нас будет столько пошивочных мастерских, чтобы...

Тарелка с грохотом летит на пол вместе со скатертью. Жена, выпучив глаза, глядит на Муслякова, который стремительно выбегает из комнаты...

Но еще проходя мимо кухни, он слышит, как работница рассказывает своей гостье:

— Кофту она себе достала вязаную... Такая красота, такая красота, вся в цветочках!.. Вот с тарелку цветочки бордовые, серые, зеленые—разные... Ведь вот умеют же доставать люди!.. А я как ни приду в универмаг, ничего там нету...

Мусляков, с силой захлопнув дверь на кухне, покидает квартиру. В палисаднике соседнего дома немолодой лысый человек в ватнике и лыжных штанах перекапывает грядки. При виде Муслякова он почтительно снимает кепку. Мусляков, тяжело дыша, заставляет себя произнести:

— Привет, товарищ Проценко. Грядки или клумба будет?

— Под огурцы думаем... вот досада: тяпок у нас в продаже нет, грабель хороших тоже, даже лопаты порядочной не купишь...

И Проценко замолкает, с удивлением увидев, что зампред облисполкома сердито шарахнулся от него в сторону.

Вокруг были люди; кто-то сидел у ворот; кто-то останавливался для короткого разговора среди тротуара. Слышался разноголосый говор городской улицы. Но наш зампред облисполкома зажал оба уха кулаками: ему не под силу казалось теперь слушать, о чем толкуют люди. Но и с зажатыми ушами Муслякову чудилось, будто все говорят об одном и том же... Вам ясно, о чем?

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

В Узбекском научно-исследовательском институте шелковой промышленности (УзНИИШП) процветает семейственность.

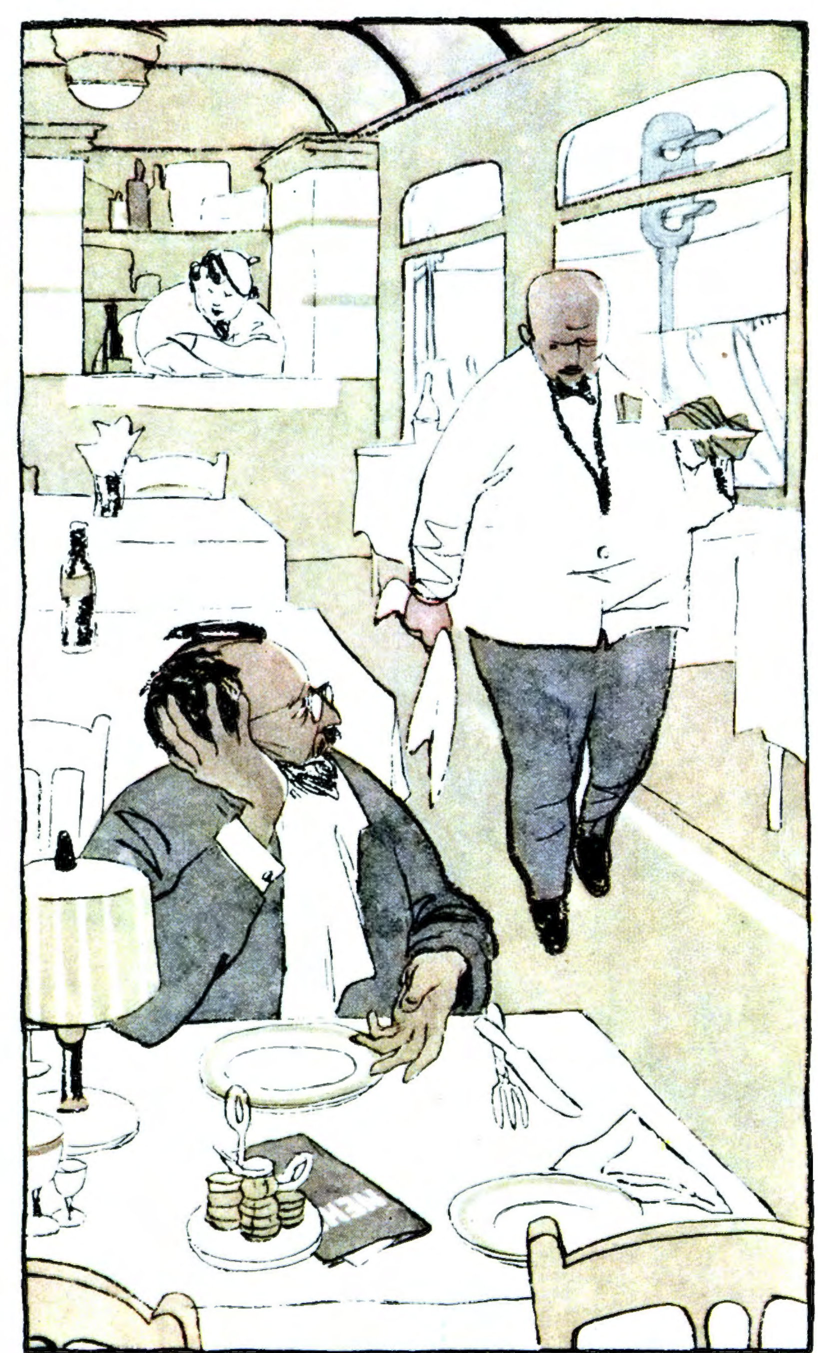
В ОДНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Бабка за дедкой, внучка за бабкой...

В ВАГОНЕ-РЕСТОРАНЕ

Рисунок Е. ШУКАЕВА по теме Р. Когана (г. Орел).

— Безобразие! Двести километров жду гуляш!

ДРАГОЦЕННЫЕ РУБЛИ И ДЕШЕВЫЕ ТЫСЯЧИ

Встретились они утром на Крещатике.

— Николай! Тебя ли я вижу?!

— Григорий! Ты ли это?!

Дружеские объятия. Поцелуи...

— Надолго в Киев? — осведомился Николай Петрович.

— Насовсем. Перевели в Министерство автотранспорта и шоссейных дорог УССР. А ты как сюда попал?

— В командировке из Сталино. Да уже три месяца работаю там в Министерстве строительства предприятий угольной промышленности УССР. Ну, друже, как живешь? Устроился?

— Плохо. До сих пор нет приличной квартиры и не могу семью к себе выписать. Ох, и трудно на два дома жить! Двойной расход.

— Как я тебя понимаю! И я в таком же положении. Там семья платит за квартиру, я здесь плачу, там за свет — здесь за свет. Там за воду — здесь за воду. Десятки рублей летят...

И, поговорив таким образом, разошлись. Каждый — в свое министерство.

— Вот тут письмо из города Сколе, Дрогобычской области,— сказала секретарша Николаю Петровичу, который работал в Министерстве строительства предприятий угольной промышленности.— Райком партии предлагает объединить наш щебеночный завод с каменным карьером Министерства автотранспорта и шоссейных дорог.

— Чушь! — возмутился Николай Петрович.— Ненужное прожектерство!

— Но у них веские доводы. Предприятия карликовые. На десять рабочих один служащий. И продукцию выпускают одинаковую: щебень, шашку и камень. От слияния сэкономится чуть ли не триста тысяч рублей в год.

— Подумаешь, сумма! И не стыдно им о таких пустяках писать? Крохоборы!.. Не надо. Отклоняю.

По удивительному совпадению такое же предложение поступило и к Григорию Ивановичу, в Министерство автотранспорта.

— Бред! Нелепая выдумка! — заявил он.— Карьер и завод находятся страшно далеко друг от друга: их разделяют целых три километра. Безусловно, это затруднит руководство ими. Гм... нет, не согласен.

На том дело кончилось. По-прежнему завод и карьер живут врозь. Завод содержит директора, и карьер содержит директора. Завод платит вахтеру, и карьер тоже. Тут держат бухгалтера, и там тоже. Тут держат машинистку, и там тоже. Десятки тысяч рублей летят.

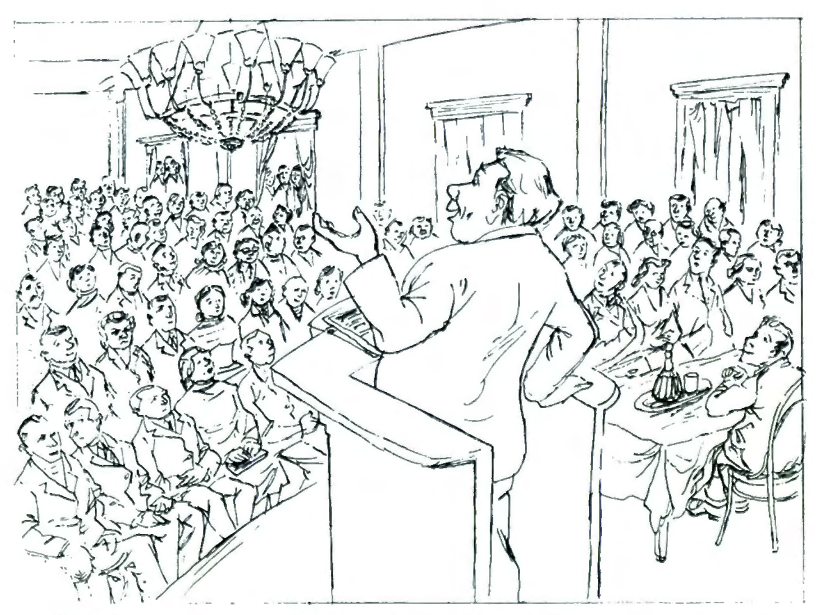
Ну и что же? Ведь Григорий Иванович и Николай Петрович, живя на два дома, тратят **свои** деньги, а завод и карьер — **государственные.**

Разница!

г. Дрогобыч. **И. ПУРТОВ**

ВСЕМУ СВОЕ МЕСТО

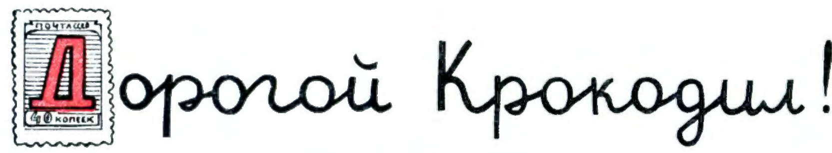
Рисунок Б. САВКОВА.

— О наших достижениях, товарищи, я сказал все. А теперь...

...поговорим о недостатках.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

«Плакала Саша, как лес вырубали...»

Представь себе, какие горькие слезы пролила бы героиня некрасовской поэмы «Саша», если бы ей довелось заглянуть в этот уголок Белорецкого лесхоза:

А вот руководители строительства железнодорожной магистрали товарищи Транис, Дьячков и другие не только не пролили ни слезинки, но даже и глазом не моргнули, когда при взрыве горы Урал-Тау изувечили тысячи стволов прекрасного строевого леса. Не проявили они ни того лирического чувства, которое проявила Саша, ни чувства ответственности за погубленный лес, стоимость которого, по самым скромным подсчетам, составляет около ста шестидесяти тысяч рублей...

А. ИГНАТЬЕВ

г. Белорецк,
Башкирской АССР.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Когда несколько дней поездишь по магазинам в безуспешных поисках лаврового листа, невольно вспоминается слышанный с эстрады куплет:

Мы лавровый лист искали,
В магазинах нет как нет.
На базаре нам сказали:
«Продаем за рубль пакет».

Только в этой песенке есть одна небольшая неточность: продают на базаре за рубль не пакет, а всего пять листочков. Но дело не в этом. Дело в том, что лавровый лист давно и надолго исчез из наших магазинов, а работники торговли не обращают на это внимания.

Зато на базаре всегда к вашим услугам вездесущие спекулянты, которые, из дальних странствий возвратясь в буквальном смысле с лаврами, пожинают богатые плоды своих сомнительных трудов.

Не посоветуешь ли ты Министерству торговли организовать продажу лаврового листа? А то пассивность в этом деле никому, конечно, лавров не принесет. Особенно начальнику «Главбакалеи» тов. Фомину!

А. АКИМОВ

г. Москва.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

До сих пор мы думали, что музыкальные инструменты приобретаются просто. Захотел, скажем, человек купить балалайку — взял у жены денег, пошел в магазин и купил. Если для услаждения слуха домочадцев и соседей одной балалайки мало — сумму можно удвоить. И так далее.

Но, оказывается, мы ошибались. Посуди сам. Прошедшим летом учащиеся нашей школы заработали немало денег. Получили на трудодни в колхозе за сданный металлолом. И захотелось им на свои капиталы приобрести комплект музыкальных инструментов, чтобы создать кружок. Благо, желающих нашлось много.

Но тут мы вполне оценили поговорку «Не в деньгах счастье». Обратились в Куйбышев, на фабрику имени Луначарского, а оттуда вместо инструментов прислали бумажку, что, мол, удовлетворить вашу просьбу можем, но... сначала достаньте наряд.

Написали в Главместпромсбыт. И тут не повезло. Работник отдела культтоваров этого главка тов. Ашкенадзе любезно сообщил нам: «...заявку на музинструменты Вам следует направить Министерству просвещения для включения в план распределения на 1957 год».

Так вместо инструментов мы получили две бумажки: одну — из Куйбышева и другую — из Москвы. Да, музыка получилась не та Неблагозвучная, тягучая.

С. ИВАНОВ,
директор Серноводской
средней школы.

Куйбышевская область.

ДРУЖИЩЕ КРОКОДИЛ!

Ты, вероятно, помнишь, что глава конторы «Геркулес» Полыхаев (см. роман Ильфа и Петрова «Золотой теленок») руководил подведомственными лицами и учреждениями посредством резолюций, вырезанных на резиновых штампах. Так он избавлял себя от необходимости думать, ибо штамп автоматически переносил на бумагу руководящие полыхаевские идеи.

Заместитель начальника Новосибирского областного управления совхозов тов. Пилюков, видимо, позавидовал «достижениям» Полыхаева и решил пойти еще дальше. Он заменил резину гектографом, который позволил ему значительно ускорить процесс размножения его мудрых указаний. Недавно директор Майского совхоза получил письмо, в котором, между прочим, были следующие строки:

«За прошедший хозяйственный год растел коров и нетелей по вверенному Вам совхозу составил 102,6%. Казалось бы, директор и главные специалисты совхоза сделают выводы из такого низкого показателя и примут необходимые меры...»

Долго ломали себе головы «главные специалисты», почему 102% — низкий показатель и за что обрушил громы и молнии на их головы тов. Пилюков. Не догадались специалисты, что тов. Пилюков дал приказ размножить ругательное письмо в 80 экземплярах, оставив в них пустые места для цифры и адреса, которые затем и были заполнены чисто механическим способом.

Вот как далеко шагнула бюрократическая техника! О чем и прошу тебя сообщить читателям.

А. ШЕЛУДЬКО,
зоотехник Майского совхоза.

Новосибирская область.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

— В каком состоянии ваш дом!
— Расписывают фасад...

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47. 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00704. Изд. № 106. Подписано к печати 9/I 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Заказ № 6. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Дружеский шарж КУКРЫНИКСЫ.

ИВУ МОНТАНУ

С Москвой познакомясь поближе,
По всей вероятности, Вы
Воспеть вдохновитесь в Париже
Большие бульвары Москвы.